

MNEMON

**Investigations and Publications on the History
of the Ancient World
Established by Ed. Frolov**

**Issue 20
No. 1–2**

**St. Petersburg
2020**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Основан профессором Э. Д. Фроловым**

**Выпуск 20
№ 1–2**

**Санкт-Петербург
2020**

Редакционный совет

Ю. А. Виноградов, А. Б. Егоров, К. Кён (Австралия),
Б. Мейсснер (Германия), С. Ю. Сапрыкин, Й. Уортингтон (Австралия),
К. Хартер-Уибопуу (Германия), Ф. Л. Холт (США),
Ю. Б. Циркин, Н. С. Широкова

Редакционная коллегия

О. Ю. Климов (главный редактор), О. В. Кулишова,
А. Д. Пантелеев (ответственный секретарь), М. М. Холод

Адрес редакции:

199034, Санкт-Петербург, В.О., Менделеевская л., д. 5,
Санкт-Петербургский государственный университет,
кафедра истории древней Греции и Рима.
Телефон +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

Advice Board

Alexey B. Egorov (Russia), Kaja Harter-Uibopuu (Germany),
Frank Lee Holt (USA), Clemens Koehn (Australia),
Burkhard Meißner (Germany), Sergey Yu. Saprykin (Russia),
Nadezhda S. Shirokova (Russia), Juliy B. Tsyarkin (Russia),
Ian Worthington (Australia), Yuriy A. Vinogradov (Russia)

Editorial Council

Maxim M. Kholod, Oleg Yu. Klimov (editor-in-chief),
Oksana V. Kulishova, Aleksey D. Panteleev (executive secretary)

Address

199034, Russia, St. Petersburg, Vasilievskiy Ostrov, Mendeleevskaya l., 5,
St. Petersburg State University, Department of Ancient Greek and Roman History
Tel.: +7(812)3289448; e-mail: antiquity@spbu.ru
<http://centant.spbu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Трофимова, Н. К. Жижина, О. Ю. Климов, А. Д. Пантелеев.</i> К 150-летию М. И. Ростовцева. Дни антиковедения в Санкт-Петербурге (26–31 октября 2020 г.)	7
---	---

1. Статьи

<i>Х. Туманс.</i> Проблема воспитания и выбора жизненного пути в классических Афинах	32
<i>Л. Г. Печатнова.</i> Роль царя Агесилая в суде над Фебидом	51
<i>С. А. Тахтаджян.</i> Психотерапевтическая клиника Антифонта	67
<i>С. В. Смирнов.</i> Политика и иконография: заметки о монетах и печатях Тимарха (серия тетрадрахм с Диоскурами)	75
<i>А. В. Коптев.</i> Город Сервия Туллия: городские трибы в римской исторической традиции	87
<i>Ю. Б. Циркин.</i> «Демократическая» группировка в Риме в начале II Пунической войны	121
<i>И. В. Хорькова.</i> Граний Флакк в сочинении Арнобия	136
<i>М. Ю. Лаптева.</i> Иппокрена и Иртыш: у истоков классического образования в Западной Сибири	147
<i>О. В. Кулишова, М. В. Поникаровская.</i> Петр Васильевич Никитин (1849–1916) и его исследования по истории древнегреческого театра	160
<i>А. А. Алексеев.</i> Трактовки Серторианской войны в университетских курсах по римской истории в СССР в 1930–1940-х гг.	182

2. Рецензии

<i>А. А. Синицын, И. Е. Суриков.</i> Сумбурная экскурсия по «залам» логосов Геродотовых «Муз»: Обсуждение нового «путеводителя» по английской историографии об «отце истории» и его труде	201
<i>Е. С. Данилов.</i> Рец. на: Бондаренко М. Е. Ромул. М.: Молодая гвардия, 2020. 319 с.	231
<i>А. Д. Пантелеев.</i> Рец. на: М. А. Ведешкин. Языческая оппозиция христианизации Римской империи (IV–VI вв.). СПб.: Алетейя, 2018. 358 с.	238

3. Хроника научной жизни

К юбилею Ирины Владимировны Тункиной	243
К юбилею Нины Владимировны Брагинской	246
К 85-летию Юлия Берковича Циркина	249
<i>И. Ю. Шауб.</i> Ю. А. Виноградов	250
<i>Ю. А. Виноградов, И. Ю. Шауб.</i> Константин Константинович Марчен-ко (1939–2020)	257
<i>В. А. Дмитриев, Е. О. Стоянов.</i> Памяти Игоря Васильевича Пьянкова (1936–2020)	259

4. Переводы

<i>С. М. Жестоканов.</i> История Классической Греции в Хронологических таблицах Евсевия Кесарийского	263
--	-----

Роль царя Агесилая в суде над Фебидом*

Печатнова, Лариса Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: pechatnova@mail.ru.

В статье анализируется традиция о захвате спартанским командующим Фебидом фиванской крепости Кадмеи в 382 г. до н.э. Цель статьи рассмотреть степень участия царя Агесилая в организации захвата Кадмеи, а также выяснить причину выступления Агесилая на суде в качестве адвоката Фебида. Автор приходит к выводу, что защита Агесилаем военных преступников, подобных Фебиду и Сфодрию, имела для Спарты катастрофические последствия. По мнению автора, вина за нарушение Царского мира, разрыв отношений с союзниками и поражение при Левктрах во многом лежит на Агесилае.

Ключевые слова: Агесилай, Фебид, Ксенофонт, Диодор, Плутарх, Спарта. Кадмея.

The role of King Agesilaus in the trial of Phoebidas

Pechatnova, Larisa Gavriilovna — Doctor of History, Professor, St. Petersburg State University, Institute of History; 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; pechatnova@mail.ru.

The article explores the tradition about the capture of Thebes fortress Cadmea by the Spartan commander Phoebidas (382 BC.). The purpose of the article is, first, to consider the degree of participation of King Agesilaus in the capture of Cadmea, and, secondly, to find out the reason why Agesilaus defended Phoebidas in court. The author concludes that Agesilaus' defense of war criminals like Phoebidas and Sphodrias had disastrous consequences for Sparta. According to the author, the blame for the violation of the Peace, the break of relations with the allies and the defeat of the Battle of Leuctra can be partly laid on Agesilaus.

Keywords: Agesilaus, Phoebidas, Xenophon, Diodorus, Plutarch, Sparta, Cadmea.

О спартанском царе Агесилая мы знаем больше, чем о любом другом ба- силевсе Спарты. Это объясняется рядом факторов. Во-первых, богатой тра- дицией. Об Агесилае много писал его современник — афинянин Ксенофонт.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00455. The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00455.

Последний, конечно, был пристрастен, поскольку Агесилай являлся его другом и работодателем. Ксенофонт долго время служил в спартанской армии, где сблизился с царем, который стал для него образцом воина и гражданина. Ксенофонт был глубоко благодарен царю и за то, что тот помог ему получить в награду за многолетнюю службу усадьбу в Скиллунте. Свою благодарность и восхищение Ксенофонт в полной мере выразил в трактате «Агесилай», который представляет собой энкомий, где царь изображен в самом выгодном свете. В его «Греческой истории» главным героем также является Агесилай. Особое отношение Ксенофонта к Агесилаю повлияло и на то, как он изобразил участие царя в суде над Фебидом.

Кроме Ксенофонта о Фебиде упоминают также поздние писатели — Диодор, Плутарх и Корнелий Непот. Конечно, эти авторы творили спустя несколько веков после интересующих нас событий и использовали источники, надежность которых не может быть установлена. Но у них встречаются ценные сведения, которые не стоит отклонять только на том основании, что они не согласуются с вариантом Ксенофонта¹. Так более объективными представляются свидетельства Диодора об участии Агесилая в судьбе Фебида, поскольку сицилийский историк в значительной степени опирался на Эфору, почти современника описываемых событий и к тому же не поклонника Спарты или Агесилая. Важно для нас и жизнеописание Агесилая у Плутарха. Это отнюдь не энкомий, подобно Ксенофонтову «Агесилаю». У Плутарха в его «Агесилае» представлена более разносторонняя картина жизнедеятельности этого царя, чем в произведениях Ксенофонта. Благодаря наличию у Плутарха нескольких версий, по-разному трактующих эпизод, связанный с участием Агесилая в судьбе Фебида, мы имеем возможность с разных сторон исследовать этот сюжет.

То, что об Агесилае сохранилось значительно больше сведений, чем о любом другом спартанском царе, отчасти объясняется необычайно долгим его правлением (399–360)², причем в период наиболее критичный для Спарты. Царствование Агесилая по времени почти совпадает с началом и концом Спартанской империи. Он стал царем вскоре после блестящей победы спартацев в Пелопоннесской войне, а умер в эпоху, когда Спарта уже превратилась во второстепенное государство, лишившись Мессении и перестав быть лидером даже Пелопоннесского союза. В этом, конечно, заключается известный парадокс. Как могло случиться, что при таком талантливом политике и военачальнике, каким традиция рисует Агесилая, Спарта претерпела подобную катастрофическую метаморфозу? Попробуем хотя бы конспективно оценить степень вины Агесилая в крахе Спартанской империи.

¹ Rice 1974, 164.

² Здесь и далее все даты до н. э.

Дело в том, что царь время от времени принимал решения, которые шли в разрез с международными правовыми нормами и собственными обязательствами Спарты. Мы знаем по крайней мере пару случаев, когда Агесилай в ходе судебного разбирательства буквально спас от казни двух высших спартанских офицеров, судимых за военные преступления — нарушение присяги и неподчинение властям. Причем Агесилай защищал не только своих друзей. Среди тех, кого он открыто поддержал, был, например, Сфодрий, человек из окружения его соправителя и оппонента царя Клеомброта.

В этой статье я хотела бы рассмотреть один конкретный случай — историю вмешательства Агесилая в судебный процесс над Фебидом. Этот сюжет не раз рассматривался в западной литературе, но, как правило, достаточно бегло. Есть несколько работ, в которых данная тема так или иначе затрагивается. Мы к ним в дальнейшем обратимся. Но сначала дадим обзор источников.

Самый подробный рассказ о захвате Фебидом Кадмеи и о последующем его наказании за противоправные действия принадлежит Ксенофону. Изложим вкратце события, как они представлены Ксенофонтом. В 382 г. высокопоставленный офицер Фебид, брат Евдамида, уже находящегося во Фракию, был отправлен вслед за ним с дополнительными силами (*Hell.* V. 2. 25)³. Фебид, проходя по территории Беотии, расположился лагерем близ Фив. Здесь с ним вступил в переговоры один из полемархов Фив Леонтиад, стоявший во главе гетерии, ориентированной на союз со Спартой (V. 2. 25)⁴. Он предложил Фебиду захватить Кадмею, акрополь Фив, утверждая, что таким образом «Фивы вполне подпадут под власть лакедемонян» (V. 2. 26; здесь и далее пер. С. Я. Лурье). Леонтиад, убеждая Фебида, назвал подобную акцию «величайшим благодеянием» для Спарты (V. 2. 26). Фиванец пообещал, что, если Фебид поможет ему и его сторонникам совершить государственный переворот, то он, придя к власти, в свою очередь обязуется послать значительную военную помощь спартанцам, воюющим против Олинфа (V. 2. 27).

Ксенофонт рисует яркую картину захвата Фебидом Кадмеи. Он приводит целый ряд любопытных деталей, которые делают сам рассказ живым и динамичным. У Ксенофонта акценты расставлены следующим образом: Фебид только следует указаниям Леонтиада, который провел его отряд в Кадмею и распорядился пускать «в акрополь только лиц, получивших от него (Леонтиа-

³ У Диодора, скорее всего, ошибочно первым во Фракию был послан Фебид, а после него уже Евдамид (XV, 19, 3).

⁴ Вторым полемархом был Исмений, возглавлявший фракцию с ярко выраженной антиспартанской установкой. Видимо в 382 г. баланс политических сил в Фивах был примерно равен, коль высшими магистратами, полемархами, здесь были главы противоборствующих партий.

да. — *Л.П.*) разрешение» (V. 2. 29). Здесь главное действующее лицо — явно Леонтиад. Далее следует классическое описание государственного переворота, во главе которого стоял Леонтиад, опиравшийся на спартанский гарнизон. Сразу же после захвата власти началась расправа с политическими противниками: Исмений был арестован, а около трехсот его сподвижников бежали в Афины (V. 2. 30–31). В Фивах воцарился новый политический режим, похожий на корпоративную тиранию, при котором все значительные магистратуры, включая полемархию, перешли в руки заговорщиков во главе с Леонтиадом (V. 2. 32). Ксенофонт называет правителей Фив во главе с Леонтиадом тиранами (*Hell.* V. 4. 13). Это, видимо, скрытое осуждение тех, кто помог фиванским олигархам прийти к власти. Ведь спартанцы, которые с архаических времен имели репутацию тираноборцов (например, *Her.* V. 68; 92; *Thuc.* I. 18. 1; *Arist. Pol.* V. 8. 18. 1312 b; *Plut. Mor.* 859 d), теперь не свергали тиранические режимы, а насаждала их.

После рассказа о перевороте в Фивах Ксенофонт сообщает о реакции спартанцев на акцию Фебида. По его словам, «эфоры и народ были крайне недовольны Фебидом за то, что он действовал, не испросив предварительного разрешения государственных властей» (V. 2. 32). Далее появляется центральная фигура в рассказе Ксенофонта о Фебиде — царь Агесилай. Ксенофонт излагает точку зрения царя на проступок Фебида и приводит главный критерий, которым тот руководствовался при оценке действий Фебида в Фивах. Приведем этот отрывок: «При этом Агесилай высказал такое мнение, что если Фебид действовал во вред Лакедемону, то он достоин наказания; если же его поступок принес государству пользу, то древний закон разрешает в таких случаях поступать на собственный риск и страх. Таким образом, по его мнению, существенное значение имеет только то, вреден или полезен поступок Фебида для государства» (V. 2. 32).

Это заявление Агесилая сделал, скорее всего, не в спартанской апелле, а в так называемой Малой экклесии⁵, которая, видимо в закрытом режиме

⁵ Название «малая экклесия» (τὴν μικρὰν καλοῦμένην ἐκκλήσιαν) встречается только у Ксенофонта в его рассказе о заговоре Кинадона (*Hell.* III. 3. 8). Поскольку Ксенофонт кроме названия не дает никаких комментариев по поводу Малой экклесии, в науке имеет место значительный разброс мнений, хотя все исследователи верят, что речь идет о каком-то элитарном собрании граждан, отличном от обычного народного собрания (апеллы). Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые считают, что это был экстренный совет, созываемый эфорами только в особых случаях (Andrewes 1966, 4 f., n. 7; Gish 2009, 343). Практически все исследователи, касавшиеся этой темы, согласны с тем, что в подобное чрезвычайное собрание *ex officio* входили высшие магистраты государства — цари, геронты и эфоры (Cartledge 1987, 131; Gish 2009, 343).

обсуждала деликатную ситуацию, сложившуюся в Фивах. Во всяком случае Ксенофонт, изложив точку зрения Агесилая, тут же сообщает, что Леонтиад, явившийся в Спарту для объяснений, выступал именно перед *эκκληται* (V. 2. 33)⁶. Леонтиад прямо заявил, что если спартанцы поддержат устроенный им переворот и признают новое правительство Фив законным, то они могут рассчитывать на абсолютную лояльность фиванцев. В передаче Ксенофонта речь Леонтиада звучит очень убедительно: «Вам достаточно будет послать короткое приказание, написанное на скитале, чтобы всё там было устроено по вашему произволу» (V. 2. 34).

Мнение царя Агесилая и агитация Леонтиада показали судьям убедительными, и они приняли решение оставить в Фивах спартанский гарнизон и предать суду Исмения. Для этого в Фивах был организован выездной суд Пелопоннесской лиги⁷, куда вошли трое спартанцев и по одному представителю от каждого из союзных полисов. Ни одного представителя Фив среди судей не было. Ксенофонт перечисляет обвинения, выдвинутые против Исмения. Его обвинили в мидизме⁸, и это в тот момент, когда еще сохранялся Царский мир и у Спарты были с Персией скорее дружественные отношения. Г. Хак указывает на абсурдность подобного обвинения, поскольку «не было никого, кто не ухаживал бы за персами в тот или иной момент во время Коринфской войны»⁹. Д. Диллери называет эти обвинения явно нелепыми и гротеск-

⁶ Возможно, что термин *ἔκκλητοι*, который трижды встречается у Ксенофонта (*Hell.* II, 4, 38; V, 2, 33; VI, 3, 3), обозначает членов именно Малой *ἔκκλησι*. Во всех трех местах, где упомянуты *ἔκκληται*, речь идет о неотложных делах. В первом случае — об установлении порядка в Афинах, что подразумевало отзыв и отставку Лисандра. Сделать это надо было, конечно, быстро и без огласки. Второй случай касается преступной деятельности Фебида, в третьем — речь шла о мире 371 г. С конкретными примерами из спартанской практики перекликается одно любопытное замечание Аристотеля об особенностях народных собраний в государствах типа Спарты и Карфагена. Так, Аристотель пишет: «При некоторых видах государственного устройства демоса нет, и не *ἔκκλησι*ю они имеют обыкновенное созывать, а чрезвычайные собрания» (*ἐνίοις γὰρ οὐκ ἔστι δῆμος, οὐδ' ἔκκλησίαν νομίζουσιν ἀλλὰ σύγκλητος* — *Pol.* III, 1, 7, 1275 b 6–8; пер. С. А. Жебелева). Здесь Аристотель употребляет обычный в его время термин *σύγκλητος* для обозначения чрезвычайных народных собраний. Возможно, что *σύγκλητος ἔκκλησία* Аристотеля и *μικρὰ ἔκκλησία* Ксенофонта — разные названия одного и того же политического института. Этот пассаж Аристотеля подкрепляет предположение, что *ἔκκληται* были членами именно Малой *ἔκκλησι*.

⁷ Плутарх, однако, утверждает, что суд происходил в Спарте (*Pelop.* 5. 3).

⁸ Исмений был одним из тех, кто в 396 или 395 г. получил взятку от персидского посланца Тимократа, отправленного в Грецию для подкупа видных политиков в Фивах, Коринфе и Аргосе ради формирования антиспартанской коалиции (*Xen. Hell.* III. 5. 1). Исмений славился своим богатством (*Plat. Men.* 90 a; *Rep.* I. 336 a).

⁹ Hack 1978, 226.

но преувеличенными¹⁰. Конечно, суд над Исмением был спектаклем с заранее известным результатом: его приговорили к смертной казни. В самом конце своего рассказа Ксенофонт позволяет себе ядовитую ремарку по отношению к новым властителям Фив: «Управление же городом попало в руки партии Леонтиада, оказывавшей лакедемонянам еще больше услуг, чем те от них требовали» (V. 2. 36). П. Картледж назвал судебный процесс над Леонтиадом первым из серии пародий на правосудие, благодаря которым Спарта стала печально известна в годы, следующие после 382¹¹.

У Ксенофонта безусловным подстрекателем Фебида назван фиванец Леонтиад, глава законофильской партии. Желание Ксенофонта переложить вину со Спарты на Фивы вполне понятно: при его неприятии Беотии и всего с ней связанного такая тенденциозность афинского историка не вызывает удивления.

То, что Фебид пошел на поводу у фиванца и решился на столь сомнительную и опасную авантюру, Ксенофонт объясняет особенностями его характера. С одной стороны, Фебид у Ксенофонта — настоящий спартиат, «который, не задумываясь, отдал бы жизнь за то, чтобы совершить какой-нибудь блестящий подвиг». А с другой стороны, это человек, явно не подходящий для той высокой должности в армии, которую он занимал, ибо он, по словам Ксенофонта, не отличался «ни предусмотрительностью, ни благоразумием» (V. 2. 28). Здесь можно усмотреть скрытый намек Ксенофонта на бытующую в Спарте практику назначения на важные посты родственников и друзей. Не случайно Ксенофонт сообщает, что Евдамид перед уходом во Фракию настоятельно просил эфоров поставить во главе дополнительного отряда своего брата Фебида (V. 2. 24). Опытный военный, Ксенофонт, видимо, не раз наблюдал за тем, к каким неприятным последствиям для Спарты приводили подобные назначения, основанные исключительно на семейных и дружеских узах.

* * *

У более поздних авторов встречаются некоторые разночтения с Ксенофонтom. Так Диодор настаивает на том, что сама идея захвата Кадмеи исходила от спартанских властей, а Фебид только воплотил в жизнь установку правительства: «Лакедемоняне опасались, чтобы фиванцы при первой возможности не восстановили своей власти в Беотии. Поэтому они дали тайное предписание военачальникам при первом удобном случае захватить Кадмею» (XV. 20. 1; здесь и далее пер. С. Я. Лурье). Согласно Диодору это был тайный приказ, доведенный до сведения всего высшего командования¹².

¹⁰ Dillery J. 2003, 219.

¹¹ Cartledge 1987, 374.

¹² Большинство исследователей считают это свидетельство Диодора сильным преувеличением. Но есть голоса и в защиту его версии. Так, по мнению Г. Хака «взгляд Диодора находит поддержку в той спешке, с которой Агесилай пришел на помощь Фе-

Важным представляется также утверждение Диодора, что захват Кадмеи вызвал такое возмущение в греческом мире, что спартанцы вынуждены были для успокоения союзников демонстративно наказать Фебида, наложив на него денежный штраф (XV. 20. 2). Сумму штрафа Диодор не называет. Этой детали — судебного решения о штрафе — у Ксенофонта нет. Что касается Агесилая, то Диодор вообще не упоминает его в связи с судом над Фебидом.

У Плутарха также встречаются детали, противоречащие версии Ксенофонта. Так Плутарх однозначно называет подстрекателем Фебида не фиванского полемарха, а царя Агесилая: «Вот почему уже в первую минуту у всех (спартанцев. — Л.П.) явилась мысль, что Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела — Агесилай. Дальнейшие события с несомненностью подтвердили это подозрение» (*Ages.* 24. 1; здесь и далее пер. К. П. Лампсакова). Причем Плутарх в отличие от Ксенофонта открыто осуждает Агесилая за то, что тот интересы друзей ставил превыше всего: «Он (Агесилай. — Л. П.) был слишком увлечен честолюбием и жадной первенства, и это особенно ясно обнаружилось в истории с занятием Фив. Он не только спас жизнь Фебиду, но и убедил государство взять ответственность за это преступление, разместить в Кадмее караульный отряд...» (*Ages.* 23. 6–7).

Однако в жизнеописании Пелопида акценты несколько иные. Непосредственными подстрекателями Фебида здесь названы фиванские олигархи, удивившие того захватить Кадмею: «И вот Архий, Леонтид (у Ксенофонта — Леонтиад. — Л. П.) и Филипп, сторонники олигархии, люди богатые и высокомерные, убеждают спартанца Фебида, который в ту пору проходил с войском через Беотию, неожиданно захватить Кадмею, изгнать из города их противников и подчинить его Спарте, установив власть немногих» (*Pelop.* 5. 2; здесь и далее пер. С. П. Маркиша). У Плутарха есть также указание на размер штрафа, который должен был выплатить Фебид, — сто тысяч драхм (*Pelop.* 6. 1).

О Фебиде упоминают очень кратко также Полибий (IV. 27. 4) и Корнелий Непот. Как и Плутарх, Непот называет подстрекателями Фебида фиванских олигархов и утверждает, что «действовал он (Фебид. — Л. П.) без ведома властей, на свой страх и риск» (*Pelop.* 1. 2–3; пер. Н. Н. Трухиной).

* * *

После обзора источников обратимся к двум наиболее важным для нас темам: по чьему приказу или совету действовал Фебид и почему Агесилай выступил в его защиту.

Фебид летом 382 г. со своим отрядом захватил Фивы и помог фиванским олигархам во главе с Леонтиадом установить здесь режим, готовый сотрудничать вскоре после оккупации Кадмеи, когда спартанцы судили последнего за несанкционированные действия» (Hack 1978, 223).

ничать со спартанцами. В версии Ксенофонта инициатива исходила исключительно от Леонтиада, который ради победы над политическими противниками готов был сдать спартанцам Фивы. Фебид якобы только согласился с предложенным Леонтиадом планом, не более того. Нападение спартанцев на Фивы в мирное время полностью нарушало традиционные правила межгосударственных отношений. С любой точки зрения эта акция была абсолютно противозаконной, поскольку на тот момент продолжал действовать Царский мир, и именно так она была воспринята всеми греками, в том числе и самими спартанцами. До того, как Агесилай ясно высказал свое мнение, спартанцы не сомневались в виновности Фебида.

Во время состоявшегося в Спарте суда над Фебидом выступление Агесилая в защиту безусловного военного преступника породило слухи, суть которых передает Плутарх. По его словам, «Фебид был только исполнителем, а зачинщик всего дела — Агесилай» (*Ages.* 24. 1). Но, с другой стороны, у Ксенофонта нет даже намека на то, что именно Агесилай толкнул Фебида на захват Кадмеи. Таким образом источники не дают однозначного ответа на вопрос, руководил ли на самом деле действиями Фебида в Фивах Агесилай или нет. Думается, с полной определенностью ответить на этот вопрос весьма затруднительно.

Хотя трудно себе представить, чтобы такая важная акция, как захват Фив, могла бы произойти без прямого указания Агесилая. Тем более, что она была осуществлена человеком из его ближайшего окружения. Напомним, что на протяжении многих лет внешней политикой Спарты руководил именно Агесилай. Его соправители Агиады, как правило, не составляли ему серьезной конкуренции, поскольку каждый из них правил сравнительно недолго и не успевал приобрести достаточный политический вес¹³.

В пользу того, что за Фебидом стоял именно Агесилай, можно привести еще одно соображение: все знали о той ненависти, которую питал Агесилай именно к Фивам, да и ко всей Беотии в целом. Он всегда помнил о публичном унижении, которому его подвергли беотархи в Авлиде, приказав сбросить его жертвы с алтаря перед походом царя в Малую Азию в 396 г. Они испортили задуманный Агесилаем спектакль, где он собирался предстать новым Агамемноном, отправляющимся к Трое (*Xen. Hell.* III. 4. 3)¹⁴.

¹³ Самый значительный из Агиадов, царствующий вместе с Агесилаем, — царь Павсаний (409–396). Но он был соправителем Агесилая всего четыре года. В 396 г. не без помощи Агесилая Павсаний был приговорен к смертной казни (*Xen. Hell.* III, 5, 25) и жизнь окончил в изгнании. Далее идут Агесипол I (396–380), Клеомброт (380–371) и Агесипол II (371–370).

¹⁴ Инициатором инцидента в Авлиде Г. Хак считает Исмения, вождя антиспартанской партии в Фивах (Hак 1978, 212, 214)

Конечно, разногласия в источниках не могли не породить и разногласия у современных историков. Одни полагают, что Агесилай вполне мог вложить идею захвата Кадмеи в голову Фебида еще до того, как тот покинул Спарту. За действиями Фебида они определенно видят руку Агесилая¹⁵. Так, по словам С. Я. Лурье, «Кадмея была занята по конфиденциальному предписанию спартанского правительства; наоборот, фиванцы встретили лакедемонян с оружием в руках»¹⁶. Дэвид Райс большую роль в этой истории отводит Леонтиаду. Он полагает, что «именно Агесилай придумал вместе с Леонтиадом план приглашения спартанской армии Фебида в Фивы»¹⁷. Такой же точки зрения придерживается и Робин Сигер. По его мнению, Агесилай мог дистанционно руководить совместными действиями Фебида и Леонтиада¹⁸. Подобное поведение Агесилая Р. Сигер объясняет его «ненавистью к Фивам, которая, возможно, сделала царя особенно чувствительным к любому проявлению независимости фиванцев, и он предложил Фебиду изучить возможность создания там надежного марионеточного правительства»¹⁹.

Конечно, в первой четверти IV в. главной политической фигурой в Спарте был Агесилай и трудно себе представить, чтобы такое важное предприятие как захват Фив могло быть осуществлено без его участия. Однако разногласия в источниках заставили некоторых исследователей отвергнуть версию, согласно которой за плечами Фебида стоял Агесилай. По их мнению, Фебид вполне мог действовать спонтанно, будучи не в силах отказаться от легкой возможности захватить Кадмею, а вместе с ней и Фивы. Леонтиад и его сторонники были, вероятно, достаточно убедительны, обещая Фебиду ввести его в город в удобное время и в удобном месте (Леонтиад, кстати, полностью выполнил все свои обещания). Сошлёмся на И. Е. Сурикова. Он полагает, что

¹⁵ Лурье 1935, 309; Smith 1954, 279; Cawkwell 1976, 79; Cartledge 1987, 156; Seager 2008, 160.

¹⁶ Лурье 1935, 308.

¹⁷ Rice 1974, 180.

¹⁸ Леонтиад, возможно, был связан с Агесилаем и входил в круг его заграничных друзей. Подобную политику по созданию клиентелы из людей, которые владели богатством, положением и политической властью в своих собственных государствах, активно проводил уже Лисандр. И, конечно, в том же духе мог действовать и Агесилай, поддерживая дружеские отношения с проспартански настроенными олигархами во многих греческих городах. Леонтиад, вероятно, и был одним из таких друзей царя. Само его дальнейшее появление в Спарте и выступление в защиту Фебида доказывают близость фиванца к кому-то из руководства Спарты. Эти кем-то был, скорее всего, именно Агесилай. Он особенно был заинтересован в приобретении сторонников среди оппозиции в Фивах, где с их помощью надеялся организовать государственный переворот.

¹⁹ Seager 2008, 160.

версия об Агесилае как непосредственном подстрекателе Фебида представляется малоосновательной²⁰.

Агесилай будучи спартанским царем входил в состав судебной коллегии и потому участвовал в суде над Фебидом на вполне законном основании. Он как влиятельный и долго правящий царь, конечно, имел возможность влиять на судей так, чтобы представлять свое личное мнение как результат коллективного решения. Конечно, тремя десятками геронтов было легче манипулировать, чем многочисленной афинской гелиэей или экклесией. Напомним также, что в Спарте судебные решения принимались не в соответствие с писаными законами, которые тут отсутствовали, а на основании применяемых практик и прецедентов. Это, конечно, открывало простор для всякого рода манипуляций. Аристотель считал отсутствие письменного законодательства большим недостатком спартанской судебной системы (*Pol.* I. 6. 14. 1270 b). Действительно, как заметил Пол Картледж, «отсутствию писаных законов или декретов предоставляло широкое поле для интерпретации тем официальным лицам, которые стояли во главе государства»²¹.

Мы полагаем, что Агесилай в любом случае защищал бы Фебида, независимо от того, по его ли приказу тот действовал или принял решение вполне самостоятельно. Во-первых, для царя с сомнительным правом на престол этот суд был очередной проверкой своей силы и влияния²². Во-вторых, Агесилай был крайне заинтересован в оправдании именно Фебида. Тот принадлежал к знатной семье (*Plut. Ages.* 34. 8–11), входил в ближайшее окружение царя и пользовался его безусловным доверием. Во всяком случае в 378 г. в ходе похода против Фив Агесилай именно Фебида назначил гармостом Феспий (*Hell.* V. 4. 41).

Главным аргументом царя при защите Фебида было то, что этот спартиат, по его утверждению, был безусловно полезен (*χρήσιμος*) Спарте (*Plut. Ages.* 23. 7). При этом Агесилай ссылался на некое древнее установление (*ἀρχαῖον εἶναι νόμον*)²³, согласно которому действия полевых командиров надо оце-

²⁰ Суриков 2015, 117.

²¹ Cartledge 2000, 13.

²² Напомним, что Агесилай несколькими годами позже защищал в суде человека, не входящего в круг его друзей. Речь идет о Сфодрии, спартанском гармосте в беотийском городе Феспиях, который в 378 г. с большим отрядом вторгнулся на территорию Аттики с тем, чтобы захватить афинскую гавань Пирей. Рейд оказался неудачным, а сам Сфодрий за действия, несанкционированные спартанскими властями, подвергся суду и избежал наказания исключительно благодаря защите Агесилая (*Xen. Hell.* V. 4. 15–32).

²³ Вероятно, упоминание некоего архаичного правила — голословное утверждение Агесилая. При отсутствии писаных законов спартанские цари, как признанные носители древних обычаев и религиозных норм, вполне могли истолковывать их в нужном

нивать исходя из единственного критерия — вредными или полезными для государства оказались результаты их деятельности (*Hell.* V. 2. 32). Агесилай счел захват Кадмеи исключительно выгодным для государства, и это стало главным аргументом в пользу оправдания Фебида. Царь в данном случае полностью проигнорировал международные договоренности, соблюдать которые Спарта поклялась. Как заметил Джон Диллери, «поведение Агесилая иллюстрирует дихотомию между внутренней *arete* Спарты и ее внешней жестокостью»²⁴. Здесь мы наблюдаем обычный для спартиатов этой эпохи поведенческий стереотип. Они строго соблюдали этические нормы только внутри собственного социума. На внешний мир их добродетели не распространялись. Эту родовую черту спартанцев ясно сформулировал Фукидид: «Лакедемоняне сами по себе, в большинстве своих внутренних установлений проявляют много доблести. О внешней же их политике многое можно было бы сказать, но лучше, пожалуй, обобщая, охарактеризовать ее так: среди всех известных нам людей они с наибольшей откровенностью отождествляют приятное для них — с честным, а выгодное — со справедливым» (V. 105. 4; здесь и далее пер. С. Г. Стратановского).

Напомним, что точно так же вел себя за границей бывший друг Агесилая Лисандр, впрочем, как и многие другие высшие офицеры, чья откровенная жестокость и имперские замашки так поразили союзников Спарты. Фундаментальные социальные нормы, которых они придерживались у себя на родине, переставали действовать для них за границей. Они не считались ни с какими условностями и вели себя с союзниками, словно те были их рабами (*Thuc.* VIII. 38. 3 /Педарит/; 84 /Астиох/; *Diod.* XIII. 66. 5; XIV. 12. 2–9 /Клеарх/; *Plut. Lys.* 13 /Лисандр/; 15 /Каллибий/). Им ничего не стоило нарушить собственную клятву, и не случайно Лисандру приписывают слова, что взрослых следует обманывать клятвами так же, как детей игральными костями (*Plut. Lys.* 8. 5; *Polyaen.* I. 45. 3; *Aelian.* *V. h.* VII. 12).

Возвращаясь к суду над Фебидом, отметим, что, хотя судьи все же признали действия Фебида преступными, тот благодаря усилиям Агесилая отделался только штрафом. Кадмея же так и осталась в руках спартанцев²⁵. Это озна-

для себя ключе.

²⁴ Dillery 2003, 218.

²⁵ В этом месте Ксенофонт только кратко сообщает о случившемся, не оценивая решение властей продолжить оккупацию Кадмеи. Хотя, казалось бы, именно здесь было бы уместно осудить непропорциональное и, как потом окажется, роковое решение, повлекшее за собой катастрофические для Спарты последствия. Только в своем рассказе о поражении спартанцев при Левктрах Ксенофонт вполне ясно дает понять, что эта катастрофа была наказанием богов за то беззаконие, которое спартанцы учинили в Бетии: «Можно привести как из истории греков, так и из истории варваров много при-

чало, что спартанские власти задним числом санкционировали захват Кадмеи, т. е. по сути дела закрыли глаза на своеволие и безрассудство Фебида и таким образом одобрили нарушение условий Царского мира, соблюдать который они поклялись. Древние авторы единодушны в том, что именно мнение Агесилая определило вынесенный Фебиду снисходительный приговор. Он сумел преодолеть первоначальное сопротивление эфоров и геронтов, выражавших чувства большинства граждан, и убедил их сохранить гарнизон в Фивах²⁶. Как свидетельствует Плутарх, царь «не только спас жизнь Фебиду, но и убедил государство взять ответственность за это преступление...» (*Ages.* 23. 7). Не исключено, что Агесилай даже уплатил довольно внушительный штраф в 100 тысяч драхм (около 17 талантов)²⁷, к которому приговорили Фебида (*Plut. Ages.* 6. 1; *Diod.* XV. 20. 2)²⁸. Это вполне соответствует его политике поддержки друзей.

Напомним, что Агесилай начал проводить подобную политику уже с самого начала своего правления (400/399). Как рассказывает Ксенофонт, «когда спартанское государство присудило ему все имущество Агиса, он отдал половину родственникам со стороны матери, так как знал о их бедственном положении» (*Ages.* 4. 5–6; здесь и далее пер. В. Г. Боруховича). Плутарх так резюмирует этот поступок царя: «Он (Агесилай. — *Л.П.*) вместо зависти и недоброжелательства стяжал себе славу и расположение сограждан» (*Ages.* 4. 1). Такая необыкновенная щедрость Агесилая — свидетельство того, что он с первых шагов своего правления планировал расположить к себе как можно большее число спартиатов, особенно среди правящей верхушки. С этой целью он всячески демонстрировал свое уважение по отношению к эфорам и геронтам (*Plut. Ages.* 4. 3) и всегда был готов поддержать их финансово (*Xen. Ages.* 11. 8; *Plut. Ages.* 4. 3). Не забывал он и о своей армии. Во время войны с Персией в 396–394 г. Агесилай дал возможность обогатиться своим войнам, разрешая им грабить земли и города малоазийских сатрапий (*Xen. Ages.*

меров того, что боги не оставляют без возмездия творящих безбожные и богопротивные дела... Лакедемоняне поклялись соблюдать независимость всех греческих городов, но, несмотря на это, заняли фиванскую крепость своим гарнизоном. И что же? Сами обиженные, без всякой посторонней помощи, оказались в силах отомстить лакедемонянам, которых до тех пор не одолел никто из людей» (*Hell.* V. 4. 1). Заметим, что при этом Ксенофонт не упоминает Агесилая, тем самым выводя его из-под удара.

²⁶ Cartledge 1987, 297.

²⁷ Cartledge 1987, 156.

²⁸ Д. Райс полагает, что штраф так никогда и не был выплачен (Rice 1974, 182). К штрафам в 15–17 талантов обычно присуждали царей, подозреваемых в коррупции. Так в 446 г. царь Плистоанакт был приговорен к штрафу в 15 талантов (*Schol. ad Aristoph. Nub.* 858 f), а царь Агис II в 419 г. — к штрафу в 17 талантов (*Thuc.* V. 63; см. также: *Diod.* XII. 78).

1, 16). Своим же друзьям он предлагал вполне легальный способ обогащения — продажу купленных ими по заниженной цене трофеев. Ксенофонт подобная черта в характере царя настолько восхищала, что он в полной мере наделил этим свойством и Кира Старшего в своем утопическом романе «Киропедия» (VIII. 2. 13–14).

Популярность Агесилая объясняется не только его щедростью, скромным образом жизни и военными успехами. Напомним, что его путь к власти не был простым. Не будучи очевидным наследником, Агесилай получил обычное общественное воспитание (т. н. *αγογῆ*) и прошел все ступени военной службы, обязательные для любого спартиата, кроме законного наследника престола (Plut. *Ages.* 1. 1). Агесилай вырос в казарме, как и все прочие юные граждане, и благодаря этому приобрел опыт, которого не было и не могло быть у законных наследников трона. Он стал своим для многих спартиатов и пользовался их доверием и уважением. Плутарх отметил это особое качество царя — его способность уважительно общаться с согражданами независимо от их статуса: он «умел много лучше других царей обходиться со своими подданными, соединяя с природными качествами вождя и правителя полученные благодаря воспитанию простоту и человеколюбие» (*Ages.* 1. 3). Агесилай был ближе по образу жизни и менталитету к рядовым спартианцам, чем прочие базилиевсы.

Ксенофонт, а вслед за ним и Плутарх всячески подчёркивают, как особую заслугу Агесилая, ту постоянную поддержку, которую он оказывал своим родственникам и друзьям, т. е. своему ближайшему окружению. Это свойство царя Ксенофонт называет «любовью к друзьям» (*φιλεταιρία*) и с пафосом описывает проявления подобной любви: «Никто никогда не видел его исполненным высокомерия. Напротив, всем поневоле бросались в глаза его любезность и готовность помочь друзьям. С большим удовольствием он... принимал близко к сердцу всё, что казалось его друзей» (*Xen. Ages.* 8. 1–2). А Плутарх, более объективный свидетель, чем Ксенофонт, прямо говорит, что Агесилай дружбу ставил выше закона: «Агесилай во всем прочем строго придерживался законов, но, когда дело касалось дружбы, считал неукоснительную приверженность справедливости пустой отговоркой» (*Ages.* 13. 3). Такая приверженность Агесилая к близким ему людям иногда становилась опасной для государства. Он продвигал на высокие посты своих родственников, независимо от их способностей и умений. Так, согласно источникам, царь совершил серьезную ошибку, назначив своего собственного зятя, Писандра, навархом, хотя тот не имел опыта в морском деле (*Xen. Hell.* III. 4. 29)²⁹. Результа-

²⁹ Ксенофонт открыто не критикует Агесилая за подобное назначение. Но его комментарий не оставляет сомнений в истинном отношении историка к кадровой политике царя. Он характеризует Писандра как человека «честолюбивого и храброго, но мало знакомого с военными снаряжениями» (III. 4. 29).

том стал сокрушительный разгром союзного флота под Книдом в 394 г., положивший конец спартанской гегемонии на море.

* * *

История суда над Фебидом проливает свет на приоритеты Агесилая. Для него принципиально важным было приобретение как можно большего числа сторонников. С помощью своих клиентов, среди которых встречались высшие магистраты страны, он мог в течение долгого времени руководить как внешней, так и внутренней политикой Спартанского государства. Система патронажа, которую создал и удачно эксплуатировал Агесилай, позволила ему в полной мере использовать в своих целях семью, друзей, клиентов и даже политических противников³⁰.

Судебные процессы над Фебидом, а затем и над Сфодрием показывают, что Агесилай контролировал две важнейшие магистратуры Спарты, эфорат и герусию. При такой ситуации Агесилай, конечно, руководил и внешней политикой. В любом случае, мы должны признать, что в период его правления политика Агесилая и политика Спарты были неразличимы³¹.

В нашей традиции ясно прослеживается та модель поведения, которую избрал для себя Агесилай и которой он последовательно придерживался. Его поддержка Фебида и Сфодрия, слабых военачальников, предпринявших рискованные авантюры без ведома властей, имела катастрофические последствия для Спарты, поскольку вызвала враждебность Фив и Афин. Агесилай оказался плохим стратегом. Он переоценил свои силы и недооценил решимость оскорбленных союзников сопротивляться откровенной агрессии Спарты. Пренебрежение и циничное отношение Агесилая к международному праву и собственным клятвам стоили очень дорого тому государству, которое Агесилай всю жизнь защищал. Его представление о необходимости в любой ситуации поддерживать друзей не позволило царю объективно оценить последствия своих собственных опрометчивых и ошибочных решений. Подобная поддержка, которую Агесилай оказывал военным преступникам, по мнению древних историков, имела самые негативные последствия для Спарты. Она вызвала рост оппозиционных настроений среди союзников и понижала шансы Спарты на спокойное и долгое существование в качестве общегреческого лидера. Агесилай оказал дурную услугу Спарте, поддержав авантюристов, взорвавших Царский мир и приведших в конце концов Спарту к поражению и краху.

В заключение отметим, что эпизоды Ксенофонта, относящиеся к Фебиду, а затем к Сфодрию, вряд ли являются случайными вставками. Мы полагаем,

³⁰ Cartledge 1987, 159.

³¹ Ruze 2018, 346.

что Ксенофонт внес их к свою «Греческую историю» вполне сознательно. Он таким образом показал свое истинное отношение к той внешней политике, которую проводил Агесилай. Ксенофонт прямо не обвиняет Агесилая в неудачах, постигших Спарту, но, с другой стороны, он не скрывает, что за преступления обоих военачальников несет ответственность государство. А это, конечно, намек на Агесилая, который в те годы отвечал за внешнеполитический курс Спарты. Даже если допустить, что Агесилай напрямую не руководил действиями Фебида и Сфодрия, он счел своим долгом защищать обоих амбициозных и безрассудных спартиатов. Подобную позицию Агесилая Ксенофонт считал ошибочной, что следует из его комментария по поводу поражения спартанцев при Левктрах (*Hell.* V. 4. 1).

В 14-й главе «Лакемонской политики» Ксенофонт критикует именно таких военачальников, каковыми были Фебид и Сфодрий. Их он считает главными виновниками развала Спартанской империи. По его словам, «они больше хлопочут о том, чтобы достигнуть власти, чем о том, чтобы быть достойными ее». Именно из-за подобных людей «многие (из эллинов. — Л. П.) призывают друг друга всячески препятствовать спартанцам снова захватить власть над ними». Свою инвективу Ксенофонт заканчивает словами, что «лица, считающиеся первыми в государстве», теперь «не повинуются ни богу, ни законам Ликурга».

Полибий еще яснее, чем Ксенофонт, высказался об эпизоде с Кадмеей, сочтя его частью общей агрессивной, но ошибочной политики Спарты. Кроме захвата Кадмеи Полибий также припомнил чудовищное обращение спартанцев с Мантинеей, граждан которой они подвергли диоикизму: «Выселив мантинян, находившихся в дружественном союзе с ними, лакедемоняне не называли этого несправедливостью, говоря, что они только из одного города расселили мантинян по многим городам. Глупо и подло вообразить, что если сам закрываешь глаза, то и другие не видят. Оба государства (Этолия и Спарта. — Л. П.) навлекли на себя таким поведением величайшие бедствия. Всякий, озбоченный благополучием своим или своего государства, никогда не должен подражать этим примерам» (IV. 27. 6–8; пер. Ф. Г. Мищенко). Захват Фебидом Кадмеи — только один эпизод, хотя и самый важный, в серии эпизодов, которые стали вехами на пути Спарты к военному поражению и превращению ее во второстепенное государство³².

Литература / References

- Andrewes, A. 1966: *Ancient Society and Institutions*. Oxford.
Cartledge, P. 1987: *Agisilaos and the Crisis of Sparta*. London; Baltimore.

³² Dillery 2003, 236.

- Cartledge, P. 2000: Spartan Justice? Or «the State of the Ephors»? *Dike. Rivista di storia del diritto greco ed ellenistico* 3, 5–26.
- Cawkwell, G. L. 1976: Agesilaus and Sparta. *Classical Quarterly* 26, 62–84.
- Dillery, J. 2003: *Xenophon and the History of his Times*. London, New York.
- Gish, D. 2009: Spartan Justice: The Conspiracy of Kinadon in Xenophon's Hellenika. *POLIS: The Journal of the Society for Greek Political Thought* 26, 339–369.
- Hack, H. M. 1978: Thebes and the Spartan Hegemony, 386–382 B.C. *American Journal of Philology* 99, 210–227.
- Lur'e, S. Ya. 1935: Kommentariy [Comment]. *Ksenofont. Grecheskaya istoriya [Xenophon. The Greek History]*. Leningrad, 213–353.
- Лурье, С. Я. 1935: Комментарии. *Ксенофонт. Греческая история*. Л., 213–353.
- Rice, D. G. 1974: Agesilaus, Agesipolis, and Spartan Politics, 386–379 B. C. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 23. 164–182.
- Ruze, Fr. 2018: The Empire of the Spartans (404–371). In: A. Powell (ed.), *A Companion to Sparta* 1. Hoboken, 320–354.
- Seager, R. 2008: The King's Peace and the Second Athenian Confederacy. In: D. M. Lewis, J. Boardman, S. Hornblower, M. Ostwald (eds.), *The Cambridge Ancient History* 6(1). Cambridge, 156–187.
- Smith, R. E. 1954: The Opposition to Agesilaus' Foreign Policy 394–371 B.C. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte* 2, 274–288.
- Surikov I. E. 2015: *Antichnaya Gretsiya: Politika v kontekste epochi. Na poroge novogo mira [Ancient Greece. Politicians in the Context of the Epoch. On the Threshold of a New World]*. Moscow.
- Суриков, И. Е. 2015: *Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира*. Москва.

